

УДК [392.546 + 398.4] : 398.21

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА

младший научный сотрудник сектора литературы и фольклора Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
 alyzlova@rambler.ru

ФУНКЦИИ ПОХИЩЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

В работе рассматриваются функции женских персонажей, похищаемых в иной мир, русских волшебных сказок. Оказавшись в потустороннем царстве, героини выполняют ряд действий, связанных с обязанностями жены похитителя. Часто женщины занимаются различными видами рукоделия, имеющими глубокую мифологическую семантику.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, похищение женщины, женские обязанности, рукоделие

Коллизия, связанная с похищением женщины, достаточно широко представлена в русской сказочной традиции. Женские персонажи играют в таких сказках не менее значимую роль, чем другие герои (похитители и освободители).

На первый взгляд может показаться, что похищенной женщине в сказках отводится довольно пассивная роль: «Если похищается девушка... и вслед за девушкой отправляется на поиски Иван, то героем сказки является Иван, а не похищенная девушка» [15; 34]. По определению В. Я. Проппа, она оказывается искомым персонажем [15; 67]. В сказочном повествовании женщина, как правило, появляется дважды: во время начальной ситуации (в момент похищения) и в ином мире («во второй раз она вводится, как отысканный персонаж» [15; 71]). Причем во время пребывания в потустороннем царстве женщина становится более активной.

Оказавшись в ином мире, героиня выполняет определенные обязанности. По словам Н. В. Новикова, «круг обязанностей их (пленных женщин. – А. Л.) невелик и необременителен. Чаще всего, сидя у окна в одиночестве, они прядут, шьют или вышивают, встречают и провожают Кощея (и – добавив – других похитителей. – А. Л.), готовят ему обед, кормят его и т. п.» [14; 203].

Во многих сказках похищенная женщина становится женой похитителя. Подобная ситуация характерна для сюжетов, зафиксированных в СУС [21] под номерами: **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**, **552А Животные-зятья** и **552В Солнце, Месяц и Ворон зятья**, **650А Иван медвежье ушко**. Причем в некоторых текстах сюжета **552А=АА 552 Животные-зятья** героиня сама сообщает пришедшему к ней персонажу о своем статусе: «Он заходит в дом, здороваются со сестрой. Вот она опять и говорит: “– Ну, брателко, откуда ты пришел? Я ведь за волком замужем...”» [6; № 1]; «Вдруг выходит его средняя сестра. <...> Мой муж, царь-сокол...» [10; № 62] (выделено нами. – А. Л.). Это

обстоятельство касается прежде всего тех сказок, где происходит исчезновение женщины или где похититель в момент похищения предстает в завуалированном виде. В некоторых случаях героиня оказывается женой «хозяина» иного мира (Змея) в сюжете **310А, В Три подземных царства**: «...отправился (Зорька-молодец. – А. Л.) к младшей сестре. Приходит, та увидала и сразу заплакала: “– <...> У меня муж девятиглавый змей, тебе ни за что с ним не справиться”» [7; № 8] (выделено нами. – А. Л.).

Статус жены подразумевает выполнение похищенной определенных домашних обязанностей. Она готовит для «хозяина» иного мира, убирает в доме, ходит за водой: «И стала она его (Вехоря Вехоревича. – А. Л.) угощать. <...> Напился, нажрался...» [4; № 26]; «Топерь идёт дальше и близко подходит к Кощею жилищам. Подошел близко, то смотрит Елена Прекрасна пошла с ведёрками к речке за водой» [9; № 7]. Примечательно, что в вариантах сказок на сюжет **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**, где во власти похитителя оказывается девочка, она также становится хозяйкой в доме: «– Ладно, – сказал медведь, – будь у меня хозяйкой, дом прибирай, пироги пеки, кашу вари, а домой не уходи» [5; № 4].

Своеобразный способ печь блины / оладьи представлен в сказках на сюжет **552В=АА *299 Солнце, Месяц и Ворон – зятья**: «Село Солнце на пол, развела блинную муку дочка (старика. – А. Л.) и поливает на голову, а блинки так и летят с Солнца, так и летят, да такие мягкие, румяные, масляные» [7; № 5].

Показательно, что, например, во всех сказках о медведе и трех сестрах (СУС **311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры**) умение героини печь пироги оказывается сюжетообразующим элементом: «Старша сестра придумала посадить меньшу сестру в мешок, отправить к отцу. И говорит медведю: “Мишенька, свежи-ко батюшку гостинеч, я перог испеку. Смотри не съешь перога”» [8; № 55].

Еще одно занятие женщины, особо подчеркиваемое сказками, – поиск вшей у похитителя: *«Приходит Кощей, пообедал, да лёг спать, а эту королевну заставил у себя на голове искать»* [8; № 167]. В сказке из сборника, составленного О. Э. Озаровской, похищенная мать героя обращается к Вехорю Вехоревичу со словами: *«“– Давай, я лучша тебе покопаю: ты весь заишикала”*. *Стала она копать, он заснул, запышел, захрипел»* [4; № 26]. Примечательно, что в одном из рассмотренных текстов подобная функция женщины имеет преувеличенный характер: *«Видит (Иван-Кобылин сын. – А. Л.): змей лежит у царской дочери на коленях. Во всех двенадцати головах она ищет»* [10; № 45]. А. В. Гура отмечает, что «в народном этикете искание вшей воспринималось как полезное и даже богоугодное занятие: например, в знак гостеприимства было принято искать вшей у гостя, у странствующих старцев – Божьих людей» [12; 447]. В проанализированных нами сказках героиня ищет вшей у похитителя, чтобы усыпить его бдительность.

Очень часто в сказках сообщается, что женщина в ином мире занимается рукоделием: *«Начал он (Сосна-богатырь. – А. Л.) ходить по подземельному царству, набрел на избушку, вошел туда – в избушке сидит дочь бабы-яги да ковер вышивает»* [3; № 142]; *«Вошел он в этот медный дворец; сидит девушка, вышивает в палатках, такая красавица»* [10; № 43]. Помимо вышивания в текстах упоминаются также прядение, вязание, ткачество: *«Села (Клаша. – А. Л.) ткать и баско наткала. Медведь-то и оставил её»* [1; № 16]; *«Она жила, шерсти начесала, чулки связала: тогда, вишь, домой отпустит. А он (леший. – А. Л.) велел ей на порты натянуть. Девка опять прясть да кросна ставить»* [2; 59]. Указанные занятия упоминаются в сказках неслучайно. Н. А. Криничная отмечает, что образами различных рукодельниц насыщен весь мировой фольклор, вербальный и изобразительный [13; 87]. По словам исследовательницы, они встречаются во многих фольклорных жанрах (сказках, заговорах, песнях, частушках, пословицах, поговорках, загадках), но «особенно ощутимо присутствие этих персонажей в быличках, бивальщинах и поверьях. Оно же закодировано и в соотнесенных с ними обрядах, обычаях, верованиях» [13; 87]. В то же время упоминание в сказках прядения, ткачества, рукоделия обусловлено этнографическими соответствиями. Как пишет Т. А. Бернштам, «к сфере сугубо женских занятий относились все процессы выращивания, сбора, обработки льна и конопли, а также стрижка овец и обработка шерсти, происходившая в разные годовые сезоны. <...> Удельный вес женского прядения и ткачества в крестьянском хозяйстве в прошлом был очень велик: в земледельческих областях прядево и домашние ткани не только требовались в огромном количестве для семьи

(одежда, постель, полотенца, различные обряды и т. д.), но шли на продажу, на вклады в церковь, на оброк помещикам...» [11; 159]. По словам И. Л. Симаковой, «умение прясть тонкие нити, ткать качественные полотна у девушек на выданье ценилось иногда больше, чем их красота» [16; 197].

Вместе с тем данные занятия имеют глубокие мифологические корни. По этому поводу Т. А. Бернштам пишет: «Прядение, ткачество и шитье одежды (изделий) оформлялись разнообразными и часто противоречивыми ритуальными действиями, свидетельствующими о многозначности верований, их породивших, и мифологических представлений, к ним относящихся. Однако можно утверждать, что для осмысления семантики женских обрядовых функций необходимо как разделение двух основных процессов – прядения и ткачества, так и восприятие их в неразрывном единстве» [11; 161]. Исследовательницей отмечается, что прядение, состоящее из четырех основных частей (чесания, дерганья, сучения и наматывания пряжи), «производилось в темное время года – с осени до рубежа зимы – весны – и в темное время суток – вечером, ночью» [11; 160], тогда как ткачество и шитье «связаны преимущественно со светлым временем (годового сезона и суток)» [11; 161]. При этом прядение «является лишь первым этапом “творения”», представляет собой «изготовление материала для последующего творения “видовых категорий”, предметных сущностей, материализуемых ткачеством» [11; 161]. «Таким образом, – подводит итог Т. А. Бернштам, – в символике прядения и ткачества взаимосвязаны “верх” и “низ”, светлое и темное, живое и неживое» [11; 162]. Мифологическое значение этих женских занятий подразумевает «творение мира» [11; 162].

Н. А. Криничная тоже отмечает, что «обычное прядение (веретеном, на прялке) и обычные рукоделия (вязание, шитье, вышивание), имеющие повсеместное распространение в крестьянском быту, также имели некогда определенный магический смысл, со временем затемненный или же вообще утраченный» [13; 104]. В немногих рассмотренных волшебных-сказочных текстах сохраняются отголоски того, что эти занятия были магическим действием. Так, в одной из сказок сборника А. Н. Афанасьева сообщается, как оказавшийся в подземном ином мире Иван-царевич *«увидел медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами – городками с пригородками»* [3; № 130]. В этом явно просматривается упоминаемое выше сотворение мира. Попутно отметим, что мотив, связанный с созданием необыкновенного ковра, характерен для сказок на сюжет **402 Царевна-лягушка**, где он является одним из предсвадебных испытаний. В нескольких вариантах занятие женщины имеет другой ре-

зультат: «...в этом доме сидит под окном девица и ткёт вроде как став, как ткнет, так выскочит конь и солдат» [6; № 35]; «сидит девушка красивая и шьёт. Как стегнёт, так солдат выскоцит, как другой раз стегнет, так другой выскоцит» [9; № 11]. Герой выясняет, что женщина таким образом «вытыкает силу» для Кощея Бессмертного [6; № 35], «сгоняет силу» на Ивана Сосновича, обидевшего старика, сам с ноготь, борода с локоть [6; № 54], [9; № 11]. Все эти сказки относятся к сюжету **310А, В Три подземных царства**. При этом количество создаваемых солдат увеличивается у каждой последующей рукодельницы. В указанных случаях функция женщины заключается в творении человека, точнее – воина. Интересно, что в одном из вариантов три встреченные за подобным занятием женщины оказываются внучками мужичка с ноготок, борода с локоток; несмотря на это, они прекращают помогать «хозяину» подземного царства и покидают с героем иной мир [6; № 54]. В сказке же, записанной от М. М. Коргуева, девушки сначала называют старика своим отцом, а перед выходом из иного мира говорят: «Я – царская дочь; я королевская; я – княжеская» [9; № 11]. Отмеченные несоответствия подтверждают существование двух версий указанного сюжета, согласно которым «хозяин» иного мира может быть похитителем женщин или их отцом / дедушкой.

Итак, в рассмотренных сказках сохраняются представления о том, что обыденные женские занятия (прядение, ткачество, рукоделие) зна-

чительно обладали магическим значением. Сами женщины раньше владели, по словам Т. А. Бернштам, более архаичным и всеобъемлющим «знанием» (в сравнении с мужчинами) и были «хозяйками» земли – ее внешнего и внутреннего (включая подземный) мира [11; 166].

В одной из проанализированных сказок герой обнаруживает женщину за гаданием – занятием, которое также наделяется магическим смыслом: «Входит он в комнату: сидит девушка, переметывает карты» [10; № 82].

Помимо отмеченных выше занятий, похищенная женщина выполняет множество функций, связанных с пребыванием в ином мире главного героя сказки. Во многих текстах подчеркивается ее гостеприимство по отношению к пришедшему персонажу. Кроме того, похищенная героиня нередко оказывается помощницей освободителя. Именно она в большинстве рассматриваемых сказок узнаёт тайну смерти похитителя и сообщает о ней герою. Также женщина скрывает своего освободителя в потайном месте, чтобы его не обнаружил «хозяин» иного мира, во власти которого она пребывает. Наконец, женщина наделяет героя чудесными предметами, с помощью которых он впоследствии добывает себе невесту.

Таким образом, роль похищенной героини русских волшебных сказок, оказавшейся в ином мире, достаточно значима. Она выполняет целый ряд функций, имеющих как этнографические соответствия, так и глубокий мифологический смысл.

ИСТОЧНИКИ

1. Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Драникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. 252 с.
2. Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Институт наследия, 2003. 146 с.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.
4. О з а р о в с к а я О. Э. Пятиречье. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 543 с.
5. Песни и сказки Ярославской области / Ред. Э. В. Померанцева. Ярославль: Кн. изд-во, 1958. 360 с.
6. Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. 424 с.
7. Русские народные сказки Пудожского края / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.
8. Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 476 с.
9. Сказки Карельского Беломорья. Т. I: Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Карельское гос. изд-во, 1939. Кн. 1. 660 с.
10. Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / Изд. подгот. Е. А. Костюхин и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 479 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 277 с.
12. Г у р а А. В. Вошь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 447–448.
13. К р и н и ч н а я Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. II: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. 410 с.
14. Н о в и к о в Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 255 с.
15. П р о п п В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 128 с.
16. С и м а к о в а И. Л. Узорное жаккардовое ткачество Московской области (к истории материальной культуры) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9: Сб. науч. ст. по материалам конф. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 197–202.
17. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 438 с.